

Сахалинская каторга (вторая половина XIX — начало XX в.).

Документы и материалы: в 2 т. / Архив. агентство Сахалин. обл., Гос. истор. архив Сахалин. обл., Рос. гос. истор. архив Дальнего Востока; [сост.: М.В. Гридяева, Л.В. Драгунова, Н.А. Троицкая, Ким Чан Ок]. — Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. тип., 2015. — ISBN 978-5-89290-323-3. Т. 1: — 433 с.: ил. Т. 2: — 411 с.: ил.

Сотрудниками Государственного исторического архива Сахалинской области создана двухтомная работа, в которую вошло около 400 ранее не публиковавшихся документов по истории каторги и ссылки на Сахалине за период второй половины XIX — начала XX века. Основные материалы двухтомника сгруппированы по трем разделам, в основе которых лежит проблемно-хронологический принцип: первый том — каторга и власть, жизнь каторги изнутри; второй том — каторга и остров. Сборник документов открывается Положением Комитета об устройстве каторжных работ от 18 апреля 1869 г. Последний документ в нем датируется мартом 1913 г. и представляет заметку из газеты «Приамурские ведомости» о праздновании на Сахалине 300-летия дома Романовых.

Вместе с документами (а это сведения, доклады, прошения, приказы, донесения, инструкции, телеграммы и многие другие образцы канцелярского производства прошлых столетий) в состав двухтомника вошли примечания и комментарии, различные фотографии, описание хроники важнейших событий на каторге. Предваряет все документы и сопроводительные материалы статья А.И. Костанова об архивах сахалинской каторги. Считается, что появившийся в 1920–1930 гг. термин «архив каторги» являлся неофициальным и ассоциировался с хранившимися в Иркутске фондами сахалинского происхождения второй половины XIX — начала XX века. Первым, кто с научной целью обратился к сахалинским архивам, по мнению Костанова, был А.П. Чехов. Позже доступ к архивам получил Б.О. Пилсудский, занимавшийся на Сахалине этнографическими исследованиями. Признанный «король фельетона» В.М. Дорошевич в своих каторжных очерках упоминал канцелярских писарей, исполнявших работу современных архивариусов.

Официально-деловой стиль, безусловно, не предполагает пристрастности и многозначности. Между тем, страницы «Сахалинской каторги...» дают совершенно уникаль-

ную возможность вдумчивым, ищущим читателям увидеть лица многих российских знаменитостей второй половины XIX — начала XX в. — писателя А.П. Чехова, репортера В.М. Дорошевича, лингвиста и этнографа Б.О. Пилсудского, народовольца и писателя И.П. Ювачева, отца поэта Даниила Хармса и многих других. Вместе с тем, канцелярская четкость позволяет сохранить нехрестоматийные сведения об известных преступниках, таких как К.Х. Ландсберг или С.И. Блювштейн, известная как Сонька Золотая Ручка.

Так, в феврале 1891 г. Чехов пишет «большое письмо» В.О. Кононовичу о приобретенных книгах для сахалинских школ. Чеховское обращение к начальнику Сахалина показывает, что, невзирая на сильную занятость, писатель хлопочет о необходимости придерживаться учебной программы, составляет детальный перечень высылаемых книг с указанием точного количества экземпляров, а также с подробным описанием имен иных дарителей произведений русской и зарубежной литературы. В написанном спустя восемь дней еще одном послании «многочуважаемому Владимиру Осиповичу» Чехов уточняет, что «Комитет Добровольного Флота» уведомил его о совершенно бесплатной доставке книг. При этом в полушутливой манере Чехов сообщает о столичных новостях: литераторах А.Н. Плещееве и Г.И. Успенском, о модном юристе Ф.Н. Плевако и его подзащитном А.М. Бартенева, о провалившемся «средстве Коха» и других событиях.

Отдельные эпизоды книги позволяют восстановить детали прибытия на Сахалин сотрудника «Одесского листка» Дорошевича. В своем прошении «начальнику Главного тюремного управления» А.П. Саломону в январе 1897 г. репортер объясняет «задачу» своего путешествия на каторгу и констатирует взятые на себя обязательства по описанию «типов, нравов, образа жизни, занятий ссыльных и их постепенного исправления». О том, какую силу

имели очерки Дорошевича о Сахалине, свидетельствует документ 1901 г. — многостраничный машинописный «комментарий военного губернатора, генерал-майора М.Н. Ляпунова...» о бесчинствах «смотрителя поселений 2 участка Корсаковского округа» В.Н. Бестужева — одного из многочисленных героев публицистических описаний Дорошевича.

Благодаря сохранившимся документальным свидетельствам эпохи удивительным образом выстраивается портрет С.И. Блювштейн. В первый год пребывания на острове (с 1887 г.) преступница пытается вести себя благовидно, в частности, составляет прошение о присоединении к православной церкви. Казалось бы, о положительных намерениях к исправлению говорит и рукописный рапорт «начальника Александровского округа», сообщающий, что Блювштейн «ни в чем предсудительном со дня прибытия замечена не была и задлживается на шитье арестантского белья и одежды». Но уже ровно через год появляется новый документ — рапорт временно исполняющего обязанности начальника Александровского округа А.П. Таскина о том, что ссыльнокааторжная «содержалась в течение минувшего октября месяца по 1 ноября под арестом при гауптвахте Александровской тюрьмы по обвинению ее в мошенничестве». В марте 1890 г. рукою другого «начальника Александровского округа С.Н. Таскина» пишется рапорт о задержании Блювштейн по обвинению в связи с «убийством Кинжаловым и другими поселенца Никитина, а также по подозрению «как причастную и по другим делам». Авантюрная натура Блювштейн, как это отражено в документах, не смогла удержаться в пределах каторжного порядка.

При этом в ином свете рисуется личность К.Х. Ландсберга — некогда блистательного гвардейского офицера, совершившего убийство двух беззащитных людей практически по сюжету романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». О нарушившем

закон Ландсберге в 1879 г. сообщалось не только в российских газетах. О преступлении русского офицера писали Ф.М. Достоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин, К.М. Станюкович и, конечно же, А.П. Чехов и В.М. Дорошевич. Однако сведения о том, как сложилась жизнь прошедшего наказание каторгой Ландсберга, сейчас могут дать только документы.

Среди сохранившихся письменных свидетельств и иных деловых бумаг — рукописный доклад самого Ландсберга, рассказывающего об устройстве на острове «почтотордонной линии». Инженерно-технические знания Ландсберга многократно использовались сахалинской администрацией. О героическом принятии Ландсбергом решения встать на оборону Сахалина во время русско-японской войны свидетельствуют прошение дружинника Акимы Новосельского на перемене вида жительства с упоминанием о том, как прошли два боя дружины Ландсберга с японцами. Аналогичное упоминание обнаруживается и в прошении дружинника Михаила Брежинского, служившего под командованием «начальника 1-й народной дружины» Ландсберга, находившегося в декабре 1905 г. в плену.

Эти и многие другие сведения, которые можно почерпнуть из документов периода каторги, могут быть интересны как специалистам, так и рядовым читателям.

При этом нужно отметить, что в истории каторжного Сахалина существуют разнообразные лакуны: чаще всего не восстановленными остаются полные имена и отчества, годы жизни не только обычных каторжан, но и людей, внесших значительный вклад в освоение островного края в период царской России. Не включен в общий перечень представленных документов и ряд сохранившихся материалов о сахалинской каторге на японском языке. Вполне возможно, что эти не менее интересные данные могут составить в будущем третий том «Сахалинской каторги...».